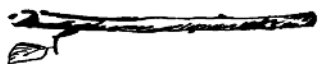
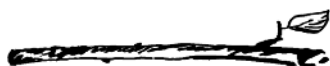

Новый Жихарь

Роман Злотников, Майк Гелприн,
Вук Задунайский, Вера Камша,
Сергей и Элеонора Раткевич
и другие

БОГАТЫРИ НЕ МЫ

УСТАРЕЛЛЫ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б73

Составители сборника
В. Бакулин, Л. Демина, И. Минаков

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована работа
художника *А. Мозгалева*

Б73 **Богатыри** не мы. Устареллы / Роман Злотников, Майк Гелприн, Вук Задунайский и другие. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Новый Жихарь).

ISBN 978-5-699-91209-4

Мелкий бес Недотыкомка, писарь тайного приказа в Кашеевом царстве, сделал ставку на богатыря Ивана-Дурака и едва не поплатился вострой своей головенкой. В те далекие трудные времена, когда коты еще ходили босыми, принцесса Перепетуя отправилась в Разбойничий Лес, совершенно не задумавшись о последствиях. А природного таланта, коим обладал начинающий поэт Элам, оказалось явно недостаточно, чтобы обратить на себя внимание могущественного главы Ордена Виршетворцев...

Впрочем, что мы вам рассказываем. Читайте сами!

Роман Злотников, Вера Камша, Сергей и Элеонора Раткевичи, Майк Гелприн и другие друзья, коллеги и ученики замечательного русского писателя Михаила Успенского в сборнике фантастических произведений, посвященных его памяти!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Батхен Н., Венгловский В., Габриэль А., Гелприн М., Голдин И., Ера М., Задунайский В., Злотников Р., Камша В., О'Коннор, Минаков И., Провоторов А., Раткевич С., Раткевич Э., Романова Т., О'Рэйн, Сафин Э., Язева М., 2016

© Оформление.

ISBN 978-5-699-91209-4

ООО «Издательство «Э», 2016

*Светлой памяти замечательного
русского писателя Михаила Успенского
посвящается*

Роман Злотников

Я ржал!

Первую книжку Миши Успенского я прочитал довольно поздно. Ну, по моим меркам. Где-то в начале нулевых. Если учесть, что активно интересоваться фантастикой я начал еще с середины семидесятых, а Миша более-менее активно издаваться — с конца восьмидесятых, то однозначно поздно.

Что это была за книжка, я сейчас и не вспомню. Помоему, «Белый хрен в конопляном поле». Во всяком случае, Коган-варвар там присутствовал. Точно... Так вот, читая эту книжку, — я ржал. Нет, не так — я РЖАЛ!!! И вообще вел себя неадекватно. Катался по дивану и чуть не дрыгал ногами. Кашлял, подавившись от хохота. Вскакивал и бежал на кухню, чтобы зачитать жене какой-нибудь особенно зацепивший меня оборот или эпизод. Короче, вел себя непотребно. Уж такое она на меня произвела впечатление.

Книжку я, естественно, проглотил одним махом. И тут же помчался на поиски следующей. Которую, к моему удивлению, отыскал не сразу. Отчего удивился? Ну как можно издавать такого писателя столь маленьким тиражом? Как?! А еще у меня просто засвербело познакомиться с автором... В те уже далекие времена меня только-только просветили насчет того, что в фантастике существует такой феномен, как конвенты. И я даже успел съездить на парочку из них. Как пусть и не очень «молодой», но по всем меркам «начинающий» автор. Правда, всего на парочку. Но ведь конвенты — это места, где можно встретить любого писателя, ведь так? Абсолютно любого! Я вон даже с Борисом Стругацким умудрился познакомиться... Так что

я был совершенно уверен, что на каком-нибудь из почти десятка конвентов, проходящих на территории бывшего СССР, я с ним встречу.

Я представлял его как человека с юмором и легким характером. Душу компании. Весельчака. Всеобщего любимца. И даже где-то немножко завидовал его неперменной популярности. Искрометности. Ну и так далее... И вот — встреча! Она произошла на «Страннике», это один из Санкт-Петербургских конвентов. Причем наиболее солидный и, я бы даже сказал, ложенный из них.

Миша был... монументален. И суров. Никаких шуток. Никакой искрометности. Я поначалу даже оробел. Не так чтобы сильно, но все же... И очень долго не мог понять, как этот человек умудряется писать подобные книжки. Поэтому, вежливо пообщавшись, несколько того... так сказать, отодвинулся в сторону и принялся наблюдать, как оно все происходит.

Потом было еще много встреч. И новые книги. Я оценил уже не только юмор, но и блестящий язык Миши. Мы подружались. Да что там говорить — я у Успенского даже «банком» как-то поработал! Серьезно. Это произошло в Киеве. На «Портале». Уже перед самым окончанием конвента он подошел ко мне и сурово спросил (ну не скажешь иначе ☺):

— Злотников, у тебя деньги есть?

Я ответил:

— Есть.

— Дай взаймы.

А я то ли в этот год, то ли годом раньше обзавелся в Киеве очень приятным знакомством с любителем моего творчества. Его звали Олег. И он готов был в лепешку расшибиться, чтобы сделать мое пребывание в Киеве максимально комфортным и запоминающимся. За что ему огромное спасибо. Ну да не об этом речь... А упомянул я о нем потому, что благодаря этому знакомству у меня к тому моменту сохранились почти все деньги, которые я взял в поездку на этот конвент. Поэтому я просто достал из кармана пять тысяч одной купюрой и отдал Мише. Он аж охнул:

— А помельче ничего нет?

Я мотнул головой. Помельче действительно не было. Да и не особенно мне деньги в тот момент были нужны. Билет у меня был взят в СВ, то есть белье уже заплачено, а Олег, от широты душевной, накопил мне столько всяких вкусностей, что мы их не то что на конvente, мы их и до Москвы бы не съели. Так что я вполне мог себе позволить такой «широкий» жест.

Миша с тоской пошелестел купюрой и, вздохнув, произнес:

— И ведь не разменяешь...

Но взял.

Следующий раз мы встретились ровно через год. Опять на «Портале». Уж не помню почему, но весь тот год у меня как-то не складывалось с конвентами. Все какие-то дела были. Так что свиделись мы только через год.

Миша стоял у дверей. Все такой же монументальный и суровый. Когда я выдернул из багажника такси свой чемодан, он ринулся ко мне, сердито рыча:

— Ты где был?

— В смысле?— удивился я.

— На «Страннике» тебя не было, на «Интерпрессе» тоже, на «Роскон» снова не приехал. Я твои деньги год по конвентам вожу, столько денег на эти поездки угрохал — ужас! А тебя нет и нет!— после чего сердито сунул мне пять тысяч, буркнул: — Спасибо! — и все так же величественно двинулся к входу в гостиницу. Вот такие у нас с ним состоялись кредитно-денежные отношения...

Миши нет уже год. Но остались его книги. И я страшно завидую тем читателям, которым еще только предстоит их прочитать.

УСТАРЕЛЛЫ

Эйлин О'Коннор

У Лукоморья дуб зеленый

Кот молчал вторые сутки. Не умастила ни щедрая плошка сметаны, ни подобострастное «хорошая киса, умная киса!», с осторожностью заявленное из угла боярами. Плошку Кот обошел по дуге, брезгливо дрогнув над ней кончиком хвоста, а на царевых слуг при слове «киса» многообещающе сузил глаз. Правый. Выражения лица при этом не менял, угрожающих звуков не издавал, острым когтем стены не полосовал. Однако же бояре с удивительным единодушием попятнулись. Откатились бояре волной, да так резво, что придавили пару-тройку своих.

В ответ на сдавленные крики Кот и ухом не шевельнул. Вытянулся вдоль стены, громыхнув цепью, и принялся свирепо вылизывать косматый черный живот.

— Молчит? — нахмурился царь.

— Молчит, — вздохнул боярин Морозов. — Ни одной сказочки не рассказал.

— Может, он того? — усомнился царь. — Не ученый?

— Дуб был. Цепь наличествовала, — уныло перечислил боярин. — Очки имелись. Треснули при задержании.

— Починили?

— Первым делом!

— Кота напоили, накормили?

Морозов только руками всплеснул. Обожрался уже, от сметаны морду воротит, тварь мохнатая!

— Чего же ему, собаке, еще надобно? — Царь почесал лысину. — Не дуб же высаживать посередь палат!

Боярин тактично промолчал. На именины царевна Несмеяна потребовала в подарок Ученого Кота, чтобы улаждал ее слух сказками и песнями. Уж если царь ради любимой дочери пошел на то, чтобы поссориться с самим Черномором (тоже большим любителем небылиц), с него станется и дуб пересадить.

А ведь Морозов предупреждал: не надо! Всякий кот есть тварь глумливая и непредсказуемая. А от повышенной образованности еще ни у кого характер не улучшался. Ткни пальцем в любого ученого или, прости господи, сочинителя: ну дрянь на дряни.

Из соседней залы донеслись безутешные женские рыдания. Царя перекосило.

— Придумай что-нибудь! — яростным шепотом закричал он на Морозова. — Мышей ему подгони! Загривок почеси золотой вилочкой! Только пусть плетет свои сказки! А иначе — голову с плеч!

Боярин, человек многоопытный, не стал уточнять, чья именно шея ляжет на плаху. Долгая служба приучила его, что любопытство такого рода не бывает безвредным.

Кот сидел, привалившись спиной к лавке, в позе расслабленной и непристойной: ни дать ни взять перебравший пьянчужка.

— Батюшка Кот, — начал Морозов, косясь на нетронутую сметану. — Уважь нас сказкой, будь так любезен!

Кот лениво зевнул. Обнажилась ребристая, точно щучьи жабры, розовая пасть.

— А мы тебе кошечку! — умильно пообещал боярин.

Кот перекатился на бок, вскинул заднюю ногу и вызывающе облизал коленку.

— Не выходит у вас беседа, Петр Симеонович, — ехидно заметили сзади.

Морозов начал багроветь. Не чужие доведут, так свои подсуропят. Ниоткуда помощи не жди.

— Юродствуешь, значит! — с горечью воскликнул он, глядя на Кота. — Что уж только не предлагали тебе, извергу!

И кошечку, и курочку! И по шерстке, и против шерстки!
А ты ни в какую!

Призрак плахи блеснул перед внутренним взором закручинившегося боярина.

— Что ж с тобой делать! — Он схватился за голову и вдруг шмякнулся по-турецки прямо перед Котом.

Сзади охнули и загомонили:

— Петя! Куда?

— Окстись!

— Порвет!

Кот уставился на опрометчивого боярина янтарными глазищами. Эх и страшная тварюга! С пса сторожевого ростом. Шерсть гуще коврового ворса. Усы длинные, как стебли лука-порей. Зрачки черней ужиной шкуры.

Из растопыренной лапы беззвучно выдвинулся кинжальной остроты коготь.

Морозов сглотнул. Но отступить было поздно.

— Эх, пропадать, так со сказочкой! — с бесстрашием отчаяния заявил он. — Раз ты, батюшка, молчишь, слушай мои побасенки!

Он хрипло откашлялся и начал, зажмурившись, чтобы не видеть гнутаго орлиного когтя:

— Жил старик со своею старухой у самого синего моря! Они жили в ветхой землянке тридцать лет и три года. Раз вышел старик на берег и закинул в море свой невод...

— Не вышел на берег, а сел в лодку, — хриповато поправил кто-то. — И не невод забросил, а удочку.

Морозов осторожно приоткрыл глаза.

Позади боярина встало ошеломленное молчание: казалось, попятышься — и врежешься в его упругую стену.

— В лодку? — переспросил Морозов, таращась на Кота. Зверь солидно кивнул.

— Сам врать люблю, грешен, — певуче сказал он. — А другим не позволяю. Уж берешься рассказывать, так говори правду.

И он пронзительно глянул на Морозова. В зрачках его бедный боярин узрел обещание лютой смерти, по сравнению с которой плаха показалась бы милостью.